

Ивановский Василий

**К истории древних обитателей
Тульской губернии и их удельных
князей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий И.**
К истории древних обитателей Тульской губернии и их удельных князей / Ивановский
Василий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 38 с.

ISBN 978-5-519-86684-2

ISBN 978-5-519-86684-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

до б. р. Сожи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же историческихъ условій, ляхи (поляне) должны были распространиться далѣе на востокъ и дошли до б. р. Оки. „Теперь, смотря на географическую карту, и принимая во вниманіе повѣсть Нестора о мѣстахъ сѣдѣнія разныхъ славянскихъ племенъ, мы видимъ, что поляне растянулись узкою полосой отъ моря Балтійскаго до б. Оки; восточный край ихъ поселеній лежалъ по р. Окѣ, середина по р. Сожѣ и по р. Днѣпру, а западный—по р. Вислѣ. Съ теченіемъ времени всѣ эти три пункта поселеній должны были обособиться, такъ какъ мѣсто ими занимаемое до чрезвычайности было разнохарактерно. Земля по Окѣ была совсѣмъ не та, какъ по Сожѣ; а по Сожѣ совсѣмъ не та, какъ по Вислѣ; условія жизни и климатъ по Окѣ были совсѣмъ не тѣ, какъ по Вислѣ, а по Вислѣ—совсѣмъ не тѣ, какъ по Сожѣ. Ясно, что пришельцы, примѣняясь къ характеру мѣстности, вырабатывали себѣ жизненные условія, спеціально присущія именно данной мѣстности—это первый шагъ къ обособленію отъ своихъ собратьевъ, который въ концѣ-концовъ дастъ тотъ результатъ, что люди, принадлежавшіе къ одному племени, являются непохожими другъ на друга и образуютъ двѣ уже различныя группы; два племени, вмѣсто одного. Такъ было и здѣсь: подъ давленіемъ характера мѣстности, климатическихъ

и историческихъ условій узкая полоса поселеній ляховъ (полянкъ), должна была расколоться на три части, а эти три части должны были образовать три особыхъ племени, различныхъ между собою: б. Оки образовали вятичей, б. Сожи—родимичей, б. Вислы—поляковъ. Но различіе между этими племенами не достигало тѣхъ границъ, чтобы трудно было въ вятичахъ и родимичахъ узнать ляховъ; для этого не требовалось проницательности ученаго спеціалиста въ сравнительной филологіи, нѣтъ, это родство очевидно было для неразвитаго русскаго народа даже въ XII в., который и выразилъ это въ рассказѣ о братствѣ Родима и Вятко (читай родимичей и вятичей). На основаніи чего же народъ могъ придти къ такому заключенію? несомнѣнно на основаніи не научныхъ данныхъ, а тѣхъ, которыя и не хитрому уму были въ глаза, давались въ руки безъ напряженія съ его стороны; таковыми являются прежде всего: единство языка съ весьма легкими измѣненіями, единство обычаевъ и пр. все это было замѣтно въ вятичахъ, родимичахъ и полякахъ (ляхахъ), еще во времена Нестора: „родимичи и вятичи — одинъ обычай имяху“, говоритъ лѣтописецъ. Мѣстность, занятая нашими предками (нынѣшняя Тульская, Калужская и Орловская губ.), была сплошь покрыта непроходимыми лѣсами. Еще и доселѣ живы въ памяти народа тѣ деб-

ри, которыя покрывали лѣтъ 150—200 тому назадъ большую часть нынѣ вспаханныхъ полѣй нашей родины, а засѣвки: Тульско-Веневская, Крапивинско-Одоевская, пересекающія Тульскую губернію отъ сѣверо-востока, почти отъ Рязанскихъ границъ по направленію къ Брянску, не суть ли жалкіе остатки тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которые были сплошными и составляли одну цѣпь съ знаменитыми лѣсами Брянскими, давшими вятичамъ поводъ наименовать одинъ изъ своихъ городовъ „Дебрянскомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность эта изобиловала и водой. Знаменитыя въ исторіи рѣки: Ока, Упа, Мечъ, Осетръ, Полова, Солова, Холохолъна, Непрядва. Донъ и пр. прорѣзывали лѣсныя чащи. Несомнѣнно здѣсь было много и озеръ, кромѣ Ивана-озера. Покрайней мѣрѣ нынѣшнія болота и торфяники—это памятники надъ исчезнувшими озерами и озерками послѣ вырубки лѣсовъ. Вятичи нашли мѣста на своей новой родинѣ совсѣмъ неспустыми. Эти мѣста издавна были заселены какимъ-то финскимъ племенемъ, стоявшимъ на низкой ступени развитія, какъ и всѣ финскія племена: послѣ финновъ не осталось ни одного памятника, который говорилъ бы объ ихъ творческомъ геніи. Финны встрѣтили новыхъ пришельцевъ, какъ можно догадываться, безъ кровопролитія: на это нѣтъ рѣшительно въ исторіи никакихъ данныхъ. И

напротивъ, есть данныя утверждать, что они мирно уступили свои земли вятичамъ. Вятичи совсѣмъ не являлись для финновъ завоевателями, но мирными колонизаторами, которые исподволь являлись на б. Оки, постепенно распространяя свои поселки, пока количество ихъ не достигло такого размѣра, что славянскій элементъ сталъ въ этой области преобладающимъ надъ элементомъ финскимъ, поглотившимъ послѣдній въ помѣси.

Объ этомъ уже говоритъ одно то, что предки наши переняли отъ финновъ названіе рѣкъ: Донъ, Уца, Полова, Солова, Непрядва, Иванъ (Іуванъ) озеро — все это номенклатура финская. Перенять же и усвоить эту номенклатуру вятичи могли только при условіи совмѣстнаго жительства, въ противномъ же случаѣ имъ пришлось бы изобрѣтать названія свои, которыя всѣ, конечно, не были бы финскими, но славянскими. Съ другой стороны исторія свидѣтельствуетъ, что славяне и финны никогда не были въ отношеніяхъ между собою какъ господа и рабы, что бываетъ постоянно послѣ завоеваній, но относились другъ къ другу какъ полноправные жители данной мѣстности, даже принимали одинаковое участіе въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, — это уже ясное свидѣтельство въ пользу предположенія о мирномъ расширеніи славянъ среди финновъ. Классиче-

скій примѣръ полноправности въ отношеніяхъ славянъ и финновъ—это участіе финскаго племени чуди въ рѣшеніи вопроса о призваніи князей.

Вятичй, находясь на болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ финны, сдѣлались господствующимъ элементомъ на новой родинѣ и должны были подчинить въ духовномъ смыслѣ финновъ (до чего культура финновъ была незначительна, до чего слаба была ихъ духовная мощь, объ этомъ говорятъ новѣйшія изысканія ученыхъ. Нужно было бы ждать, что элементъ финскій обязательно войдетъ въ нашу древнюю поэзію, но этого не оказывается на дѣлѣ. Въ былинахъ, напр., можно встрѣтить мотивы изъ иранской поэзіи, Богъ вѣсть какъ попавшей на св. Русь, изъ поэзіи скандинавской, но никакъ не изъ финнской. (См. учен. изслѣд. Веселовскаго). А слѣдомъ за духовнымъ владычествомъ вятичей явилось, какъ это и бываетъ, владычество и физическаго типа, т. е. помѣсь вятичей съ финнами дала въ результатѣ такой типъ новыхъ обитателей, которые ближе всего стояли къ славянамъ, а не къ финнамъ, хотя слѣды финнской крови были очень замѣтны на нашихъ предкахъ, да и доселѣ замѣтны на насъ, какъ ихъ ближайшихъ потомковъ: слегка выдающіяся скулы, носъ съ широкимъ основаніемъ, болѣе мягкій выговоръ, переходящій въ „оканье“—все это слѣды финн-

ской крови, да и вообще сюда надо отнести всѣ особенности, которыми отличается великоруссѣ отъ бѣлоросса и малоросса, принявшихъ въ свою кровь кровь другихъ народностей. Несомнѣнно, что типъ вятичей постепенно очищался, приближаясь къ типу славянъ, вслѣдствіе того, что съ введеніемъ христіанства, браки стали заключаться въ своей средѣ, что вело за собою и раздробленіе крови финновъ на безконечно малыя части среди потомковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе этой крови стало безконечно малымъ. Изъ этого ясно, что племя вятичей образовалось уже на томъ мѣстѣ, гдѣ застаетъ ихъ исторія. Это утверждаетъ и Несторъ, говоря, что племя вятичей явилось уже послѣ того, какъ Вятко, ушелъ на б. Оки, т. е. образовалось на указанномъ мѣстѣ. Ясно, что и названіе наши предки получили уже на занятомъ мѣстѣ, а судя по ходу повѣсти Нестора—и по характеру этого мѣста.

Несторъ говоритъ, что большинство славянскихъ племенъ получило себѣ названія по характеру тѣхъ мѣстъ, которыя онѣ заняли: древляне — отъ деревьевъ, поляне — отъ полей, полочане — отъ р. Полота, бужане — отъ р. Буга и т. д. Едва ли должно быть исключеніе въ этомъ случаѣ и для вятичей. Несторъ, какъ мы видѣли, довольно своеобразно объясняетъ происхожденіе названія племени вятичей, говоря, что та-

ковое получилось отъ имени Вятко. Едва-ли онъ правъ. Таковое объясненіе вообще походить на простонародныя объясненія разныхъ названій по способу примитивной филологіи: Тмутаракань — отъ тьма таракановъ, Бѣлевъ — отъ бѣ (былъ) и левъ и пр., какъ будто походить на каламбуръ. Трудно повѣрить, чтобы отъ одного человѣка, хотя бы взятаго вмѣстѣ съ своимъ родомъ, въ сравнительно короткое время могло образоваться *племя*, т. е. большая группа людей, вполне обособленная отъ себѣ подобныхъ. На это потребуется такое количество времени, котораго вятичи во всякомъ случаѣ за собой не имѣютъ. Намъ кажется, что слово „вятичъ“ имѣетъ не славянскій корень, а финскій — *wat* (ватъ-вода). Мѣсто обитанія вятичей вообще было обильно водою. Кромѣ того, судя по Нестору, жилища обитателей этого края располагались по бассейну р. Оки, т. е. опять-таки по водѣ. Что удивительнаго если у первоначальныхъ обитателей — финновъ область эта именовалась *wat* (ватъ), по преимуществу водянымъ, а отъ финновъ и славяне стали по приѣмству именоваться обитателями „ват“, — вата-чи; вата-чи же было искажено въ „вятичи“. А что возможно такое искаженіе, объ этомъ говоритъ исторія. Въ 1147 г. новгородцы вторглись во владѣніе финновъ, нашли тамъ р. Вят-ку, городъ Вят-ку, — названія, передѣланныя изъ слова „ват“-вода.

Лѣсистая мѣстность должна была вліять на способъ пропитанія вятичей и создавать особыя жизненныя условія, а сумма послѣднихъ выработала у нихъ особый характеръ, немало отличающійся отъ характера другихъ славянскихъ племенъ, имъ современныхъ. Лѣсъ располагаетъ своихъ обитателей къ эксплуатаціи его въ видахъ добычи жизненныхъ припасовъ; а главная эксплуатація лѣса для дикаго человѣка — это охота. Вятичи и были главнымъ образомъ охотники. Охотой они добывали себѣ пищу, охотой добывали шкуры звѣрей для одежды, охотой добывали себѣ все свое богатство и даже платили дань „по бѣлѣ вѣверицѣ“, т. е. по бѣлкѣ отъ каждой хаты. Охота — неблагодарный промыселъ. Онъ требуетъ отъ человѣка неутомимости въ преслѣдованіи добычи, выносливости всѣхъ невзгодъ и часто не вознаграждаетъ ни труда, ни потеряннаго времени. Но таже охота развиваетъ въ человѣкѣ дикую отвагу, храбрость и умѣнье прямо смотрѣть въ глаза смерти. И наши предки, дѣйствительно, обладали тѣмъ и другимъ въ такой мѣрѣ, что нѣкоторые путешественники считали долгомъ своимъ засвидѣтельствовать объ этихъ качествахъ въ своихъ запискахъ. Гербенштейнъ говоритъ, что обитатели между Окой и Проней (почти вся нынѣшняя Тульская губер.) „gens audacissima et belicolissima“ (народъ отважнѣйшій и воинственнѣйшій). Но

иное дѣло личныя достоинства, иное дѣло такъ наз. гражданскія. Извѣстно, что не всякій храбрецъ за свое я бываетъ храбръ за общее дѣло. Последнее то качество и было чуждо нашихъ предковъ. Скитаніе по лѣсамъ съ лукомъ и колчаномъ за плечами, погоня и поиски за добычей, опасности и успѣхи предпріятія—все это пріучаетъ человѣка быть одного съ самимъ собою, имѣть въ виду себя только одного, парализуетъ склонность къ общежитію, къ сознанію себя членомъ извѣстнаго общества; порываетъ тѣ нити, которыя ссрѣпляютъ семью и нѣсколько отдѣльныхъ семей въ общину. Отсюда идетъ равнодушіе къ политическимъ и социальнымъ (касающихся внутренней жизни) дѣламъ. Всѣ эти недостатки прекрасно отразились въ исторіи нашихъ предковъ. Это воинственное и отважное племя, однако, всегда находилось, начиная съ колыбели, до послѣднихъ дней своего существованія, подъ властію мѣтѣе отважныхъ и даже тихихъ племенъ, но болѣе сплоченныхъ, какъ, напр., поляне. Эготъ отважный и воинственный народъ никогда не прилагалъ къ дѣлу въ политическихъ видахъ ни своей отваги, ни своей воинственности, даже никогда не спланивался въ одно цѣлое, чтобы изъ него могло получиться княжество, играющее какую нибудь даже роль въ исторіи нашего отечества. Напротивъ, вятичи—это эпизодическое лицо русской исторіи, аксессуаръ ея...

Такъ думается о вятичахъ, когда мы разсматриваемъ ихъ со стороны того значенія, которое имѣли они въ исторіи политическаго развитія нашего отечества, но иное представляютъ они въ смыслѣ этнографическомъ. Дремучіе лѣса, уединеніе на охотѣ, — все это должно было вліять съ дурной стороны на культурный ростъ вятичей. Въ то время какъ сосѣднія племена: поляне, сѣверяне, кривичи, родимичи и др. мало-по-малу утериваютъ свои характерные, племенные признаки, подъ дѣйствіемъ живаго общенія между собой, выходятъ изъ дикаго состоянія и выражаютъ стремленіе слиться въ одинъ цѣлый русскій народъ, вятичи обособляются отъ этого движенія къ ассимиляціи и сохраняютъ характерныя черты своего племени. Въ то время, когда уже исчезли племена на Руси, слившись въ одинъ народъ, вятичи остаются по прежнему вятичами — племенемъ самостоятельнымъ въ этнографическомъ смыслѣ, и такимъ же дикимъ, каковымъ было оно въ IX в., осталось и въ XII в. Достойно замѣчанія, что въ исторіи нашего отечества къ X, кажется, вѣку уже нельзя встрѣтить дѣленія славянъ на племена. Слова: древлане, поляне, родимичи — давно уже потеряли свой смыслъ къ тому времени, ибо исторія въ это время имѣетъ дѣло не съ племенами, а уже съ русскимъ народомъ. Только „вятичи“, земля „вятичей“, „область вятичей“ — эти слова пе-